

ЛИТОВСКИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать пятый

ВЫХОДЯТЪ
по
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

11-го Мая 1886 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1886 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 19.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

Приказъ Черноморскому флоту.

Прошло тридцать слишкомъ лѣтъ какъ черноморскій флотъ, свершивъ славные подвиги, принесъ себя въ жертву для блага Россіи и перенесъ духомъ на памятные холмы Севастополя. Нынѣ флотъ этотъ возникаетъ вновь на радость долго скорбѣвшаго о немъ Отечества.

Воля и помыслы Мои направлены къ мирному развитію народнаго благоденствія; но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе Моихъ желаній и вынудить Меня на вооруженную защиту Государственнаго достоинства. Вы будете стоять за него со Мною съ преданностію и дивившею современниковъ стойкостію, выказанными по зову Дѣда Моего вашими предшественниками. На водахъ, свидѣтеляхъ ихъ доблестей—вѣрю вамъ охрану чести и спокойствія Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Пароходъ „Эрикликъ“, въ Севастопольской бухтѣ.
6-го мая 1886 года.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 4—11 марта сего года за № 497, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода (безъ грамотъ) по Литовской епархіи: 1) преподавателю Литовской духовной семинаріи коллежскому совѣтнику *Михаилу Лаврову*; 2) Прихожанамъ Волотской церкви, Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда.

Мѣстныя Распоряженія.

(Къ исполненію).

По указу Его Императорскаго Величества, Литовская духовная Консисторія слушала: указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 28 истекшаго апрѣля за № 1538, на имя Преосвященнѣйшаго Алексія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, которымъ дано знать, что Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 20-й день марта сего 1886 г., Алексій, Епископъ Литовскій и Виленскій, во вниманіе къ отлично-ревностному служенію его и особымъ пастырскимъ трудамъ, возведенъ въ санъ Архіепископа. Приказалъ: Во исполненіе указа Святѣйшаго Синода о возведеніи Архимандрита въ санъ Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, послать указы кафедральному собору, всѣмъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ и благочиннымъ Литовской епархіи,

для вѣдома и объявленія духовенству, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ богослуженіяхъ въ подлежащихъ мѣстахъ, гдѣ полагается номинать Архіерея, возглашать имя Преосвященнѣйшаго Архимандрита съ наименованіемъ Архіепископомъ.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Пожертвованія.** Старшина Деречинской волости, прихожанинъ Деречинской церкви крестьянинъ д. Золотцева Василій Алексѣевъ Цвердый пожертвовалъ въ Деречинскую церковь ко дню св. Пасхи бѣлаго глазета съ нашитыми шелковыми цвѣтами на престольную иелену, стоимостью 25 рублей.

— 29 апрѣля скончался священникъ Плисскаго церкви, Дисненскаго уѣзда, *Владиміръ Сулковскій*.

— **Вакансіи — Священника:** въ м. *Плисса* — Дисненскаго уѣзда (1), въ с. *Верховичахъ* — Брестскаго уѣзда (3), въ с. *Дубно* — Гродненскаго уѣзда (4), при Ковенскомъ Александроневскомъ соборѣ (8), въ с. *Покрахъ* — Брестскаго уѣзда (6), въ м. *Старо-Красноселье* — Вилейскаго уѣзда (15). **Псаломщина:** въ м. *Горожкѣ* — Ошмянскаго уѣзда (3), при Ковенской Воскресенской церкви (7), въ м. *Сморгоняхъ*, — при Св.-Михайловской церкви (6), въ м. *Кретининѣ* — Тельшевскаго уѣзда (5), въ с. *Покрахъ* — Брестскаго уѣзда (5), въ с. *Зельзинѣ* — Волковыскаго уѣзда (7), въ с. *Ново-Шарковѣ* — Дисненскаго уѣзда (9), въ с. *Ольшевѣ* — Слонимскаго уѣзда (9), въ м. *Волтѣ* — Гродненскаго уѣзда (3) и въ с. *Хотенчицахъ* — Вилейскаго уѣзда (8).

Поступила въ продажу новая книга:

„Толковое Евангеліе отъ Матвѣя“, составленное по древнимъ святоотеческимъ толкованіямъ, Византійскимъ, XII вѣка, ученымъ монахомъ *Евфиміемъ Зипабеномъ*. Переводъ съ греческаго. 460 страницъ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Редакцію „Руководство для сельскихъ пастырей“ при Киевской духовной семинаріи.

Книга можетъ служить хорошимъ пособіемъ для священника какъ при церковныхъ бесѣдахъ, такъ и при вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, и имѣть важное значеніе въ виду неправильныхъ новыхъ толкованій штундистами и другими сектантами Новаго Завѣта, какъ толкованіе, составленное на основаніи твореній св. Иоанна Златоуста и другихъ древнихъ святыхъ отцевъ и учителей церкви.

Магазинъ Парчевыхъ Товаровъ
ПАВЛА ДАВИДОВИЧА АЛЕКСАНДРОВА. *)

На Ильинкѣ, въ Гостинномъ дворѣ, противъ Хлѣбникова и Ускова.

ВЪ МОСКВѢ.

Имѣю честь увѣдомить почтенныхъ читателей, что въ магазинѣ моемъ имѣется большой выборъ

ПАРЧЕВЫХЪ И ЗОЛОТОКРУЖЕВНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Парча золотая и серебрянная	отъ 1 р. 50 к. до 50 р.	за аршинъ.
Бархатъ съ золотомъ и серебромъ	2 р. " " "	18 " "
Глазеть золотой и серебрянный	5 р. " " "	22 " "
Муаръ золотой и серебрянный	" " 75 " "	8 " "
Парча мишурная	" " 35 " "	2 " "
Бархатъ съ мишурою	1 р. 25 " "	2 " "
Глазеть и муаръ мишурный	" " 30 " "	1 " "
Бархатъ гладкій шелковый	4 р. " " "	8 " "
Бархатъ гладкій съ бумагой	2 р. " " "	4 " "
Манчестеръ черный и цвѣтной	" " 40 " "	2 " "
Плещаницы мишурныя	22 р. " " "	75 " "
Плещаницы золотыя	75 р. " " "	1500 " "
Воздухи золотые	10 р. " " "	150 " "
Воздухи мишурные	3 р. " " "	15 " "
Подризники изъ шелковой матеріи	15 р. " " "	75 " "
Камилавки	5 р. " " "	8 " "
Скуфы	3 р. " " "	6 " "

Цѣны на облаченіе для священника: а именно риза, эпитрахиль, поясъ, поручи и набедренникъ изъ золотой парчи, бархата или глазета.

1 р. 50 к.	2 р.	3	4	5	7	9	10	12	15	18	20	25	30	35	40	50	за аршинъ
35 р.	40 р.	50	65	75	95	115	125	150	175	210	235	300	350	400	450	550	за священ.
облач. изъ мишурной парчи и бархата																	
35 к.	50 к.	75 к.	1 р.	1 25 к.	1. 50 к.	1. 75 к.	2 р.										
10 р.	12 р.	15 р.	18 р.	20 р.	24 р.	28 р.	30 р.										

Стоимость Диаконскаго облаченія равняется Священническому облаченію.

Одежды на Престоль и Жертвенникъ равняются полному облаченію священ. и діакон.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА АРХІЕРЕЙСКІЯ ОБЛАЧЕНІЯ И ЦЕРКОВНУЮ УТВАРЬ.

По желанію покупателей могутъ быть высылаемы образцы парчей.

Надѣюсь, что Вы не оставите меня Вашими требованіями, съ моей стороны будетъ исполнено добросовѣстно и аккуратно.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,
 Вашъ покорный слуга

П. АЛЕКСАНДРОВЪ.

Посылки вещей на счетъ покупателей.

*) Рекомендую оо. настоятелямъ имѣть сношенія по устройству утвари и ризницы церковной съ П. Д. Александровымъ. (Ред.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ книжномъ продажномъ складѣ Гродненскаго благочинія только что получены кресты, образки и тесьма.

Кресты простые бѣлые или желтые отъ 1 р. 50 к. до 17 р. за 1000 шт.

Кресты золоченые не-полированные отъ 9 р. 50 к. до 45 р. за 1000 шт.

Кресты наапыные (съ наапынымъ распятіемъ) золоченые и бѣлые отъ 11 р. 50 к. до 66 р. за 1000 штукъ.

Кресты полированные золоченые и бѣлые отъ 5 р. 50 к. до 45 р. 50 к. за 1000 штукъ.

Образки простые бѣлые и желтые отъ 3 р. до 9 р. 50 к. за 1000 штукъ.

Образки золоченые отъ 11 р. 50 к. до 34 р. за 1000 штукъ.

Кресты и образки никелевые отъ 2 р. 50 к. до 34 р. за 1000 шт.

Тесьмы розовой 1 кусокъ въ 40 арш.—12 к.

Тесьмы красной 15 к.

Съ требованіями обращаться въ г. Гродно, къ священнику Гродненскаго Софійскаго собора Григорію Кудрицкому.

Неофициальный Отдѣль.

— Вильна 28 апрѣля. 28 апрѣля Литовская паства совершала заупокойнымъ моленіемъ годовщину кончины въ Возѣ почившаго Архипастыря своего Архіепископа Александра. Въ Вильнѣ это поминovanje совершенно было съ подобающею торжественностію на мѣстѣ покоя почившаго Владыки, въ Свято-Духовомъ монастырѣ. Наканунѣ все-нощное бдѣніе по Кіевскому чину совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Алексій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства и при многолюдномъ собраніи православныхъ г. Вильны, въ томъ числѣ воспитанниковъ и воспитанницъ духовно-учебныхъ заведеній и братскаго приюта. Особенно глубокое чувство отрады и надежды производило ибѣніе на утрени непорочныхъ въ соединеніи съ пасхальными ибѣніями и ибѣніемъ пасхальнаго канона. Весь обширный храмъ ярко освѣтился отъ возженныхъ всѣми присутствующими въ храмѣ свѣчей. Въ самый день 28 апрѣля литургію совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь, а панихиду, въ соучастіи Преосвященнѣйшаго Смарагда, епископа Ковенскаго и всего городскаго духовенства. На Богослуженіи присутствовали: г. попечитель учебнаго округа, тайный совѣтникъ Н. А. Сергіевскій, начальникъ штаба Виленскаго военнаго округа генераль-маіоръ Бунаковъ, губернской жандармскій начальникъ генераль-маіоръ Родкирхъ, г. Виленскій вице-губернаторъ П. Г. Погодинъ, директора учебныхъ заведеній и много др. лицъ изъ служебнаго міра и почитателей почившаго Владыки. Во время причастна ректоръ семинаріи о. архимандритъ Іосифъ произнесъ печатаемое ниже слово.

Ко дню годовщины родственникамъ почившаго архіепископа поставленъ въ неперной церкви у праваго клироса—мѣста гробницы—памятникъ—чугунный крестъ, со вставленными въ оный пятью келейными иконами почивающаго въ Возѣ Владыки. Внизу есть надпись, напоминающая о почившемъ. Со стороны родственниковъ это—доброе дѣло.

Въ шагахъ пяти-шести есть другая дорогая и знаменитая гробница, въ коей почиваютъ останки приснопамятнаго митрополита Іосифа (Сѣмашки), но до сихъ поръ нѣтъ видимаго знака, который бы указывалъ поклонникамъ здѣшней святыни и богомольцамъ о сокрытомъ здѣсь подъ снудомъ великомъ святителѣ и вызывалъ бы въ душѣ ихъ молитву о почившемъ ревнителѣ и борцѣ за православную церковь и Русь.

С Л О В О

въ день годичнаго поминovanja Высокопреосвященнаго Александра, архіепископа Литовскаго и Виленскаго, 28 апрѣля 1886 года *).

Христосъ воскрес!

Гдѣ ты, смерте, жало?—Смерть! гдѣ твое жало?— Ос. 13: 14; 1 Кор. 15: 55. Сообщаетъ и утверждаетъ

*) Произнесено за Божественною заупокойною литургіей,

всесвятое слово Божіе, свидѣтельствуешь и вторитьъ сему общему намѣ убѣжденіе.

Годъ назадъ, въ это самое время, еще жилъ, братіе, съ нами видимо Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь нашъ, покойный архіепископъ Александръ,—и въ семъ храмѣ, какъ и въ другихъ святыхъ храмахъ и мѣстахъ сего града и Богоснасаемой Литовской епархіи возносилось ко Господу моленіе о здравіи и спасеніи его,—лишь не многіе знали, что дни его дѣятельности уже дошли до конечнаго предѣла въ сей временной жизни и часы его жизни въ этомъ нашемъ времени уже на совершенномъ скончаніи. Полагали же вообще, что жизнь его съ нами въ дѣятельности ея служебной и служеніи священномъ и священнонравственномъ, какъ и онъ самъ полагалъ, продлится еще,—пусть хоть и не долго, а все таки продлится.—Но произошло скончаніе,—послѣдовала неотразимая ничѣмъ смерть,—и вотъ уже годъ, какъ мы молимся о упокоеніи его—усопшаго и вотъ нынѣ совершаемъ надъ его усыпальницей совокупное, общецерковное, соборное богомоленіе о немъ, объ упокоеніи его въ блаженной вѣчности, уже завершительное, годичное.—Совершаемъ поминovanje, великое богомоленіе, и совершая оное по чину, побѣдно богогласно взываемъ: „смерть! гдѣ твое жало!“ Молимся о почившемъ, какъ и прежде молились, при видимой жизни его въ семъ видимомъ мірѣ, о немъ и часто и церковною молитвою,—и всегда, и въ особые нарочитые для него дни,—молились и молимся, да и будемъ молиться всегда, какъ особенно о лицѣ близкомъ намъ, любимомъ, благодномъ, отзывчивомъ на добро съ изысканіемъ средствъ и принятіемъ мѣръ упрочивать таковое мирно на необъятное будущее,—лицѣ положенія высокаго, имѣвшемъ и оставившемъ опредѣленные, замѣтные слѣды своей благой созидательной дѣятельности въ цѣлыхъ теченіяхъ жизни многихъ, жизни общественной, церковной и даже общегосударственной, народной въ краѣ исторически,—и опять снова взываемъ при этомъ: „смерть! гдѣ твое жало!“—Съ одной стороны жала смерти на самомъ дѣлѣ какъ бы нѣтъ,—оно не дѣйствительно,—его и совѣмъ нѣтъ. Съ другой—всѣ видимъ, что смерть есть,—и неотвратимо и неотразимо властвуетъ она надъ людьми и во всемъ мірѣ.—Недѣйствительны жала смерти для вѣчности, но неотразимы дѣйствія этого жала въ жизни здѣшней, временной, кратковременной,—неотразимы и подъ часъ глубоко горестны бывають онѣ, особенно когда бывають не столь ожидаемы предварительно, какъ и въ почившемъ нашемъ,—когда касаются лицъ, въ силу своего положенія и извѣстнаго характера дѣятельности въ этомъ положеніи, ставшихъ достояніемъ исторіи въ лучшемъ смыслѣ опредѣленія направленной судьбы ея, лицъ особенно важныхъ и цѣнныхъ, какъ это тоже въ томъ самомъ почившемъ у насъ, о немъ же вотъ и таковую сугубую память творимъ нынѣ.

Смерть не отразима—явленіе общее, постоянное,—и постигаетъ каждого. Жало смерти не дѣйствительно,—и тоже въ отношеніи всѣхъ насъ.—Предлежитъ, въ виду наличнаго, сильнаго занять общее вниманіе событія, вникнуть намъ въ эту тайну нашего бытія, само самую направляющуюся на углубленіе въ нее и раскрытіе—и въ отношеніи усопшаго, а болѣе въ отношеніи насъ самихъ, бр. христіане,—живущихъ и тоже рано-поздо долженствующихъ

совершенной Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Литовскимъ Алексіемъ, въ Свято-Духовѣ монастырѣ, надъ усыпальницей почившаго литовскаго святителя,—архимандритомъ Іосифомъ, ректоромъ Литовской семинаріи.

поднасть той же участи всего здѣшняго міра. — Да не влаемся всякими вѣтрами ученій о семъ вѣчномъ уюваніи нашемъ.

Святое Божіе слово вообще часто и много говоритъ намъ, бр., о краткости этой нашей жизни. — Конечно, каждый изъ насъ замѣчалъ, какъ напр. въ нѣкоторые дни поднимаются съ земли туманы, въ видѣ пара, и какъ они, особенно по утрамъ ложатся на лугахъ, поляхъ. Иногда они такъ бываютъ густы, что и на небольшомъ разстояніи бываетъ не видать напр. даже самыхъ высокихъ деревьевъ. Смотримъ на эти самыя мѣста спустя нѣсколько часовъ, въ полдень, когда солнце свѣтитъ всѣмъ своимъ блескомъ: видимъ, что и слѣда этихъ тумановъ, этого пара нѣтъ болѣе. Вотъ такова то и жизнь наша, говоритъ Писаніе: она исчезаетъ, какъ паръ, яко соніе возстающаго (Іак. 4: 14. Прем. Солом. 2: 2—5). — Сегодня мы видимъ цѣлыя толпы людей, а чрезъ нѣсколько времени лѣтъ, изъ этой многочисленной массы людей не останется наконецъ ни одного человѣка, и скроются, и исчезнутъ всѣ съ лица земли, какъ паръ вмалѣ являющійся и вмалѣ исчезающій, — разсѣются, иныя совсѣмъ безслѣдно, какъ соніе возстающаго, хотя замѣнятся иными людьми, иными новыми массами людей. — И се путь всея земли!

Еще. Видимъ напр. хорошіе сады. Любуемся иногда, да и не разъ, дѣйствительно прекрасными цвѣтниками, которые тамъ и тутъ есть въ нихъ. Какихъ нѣтъ цвѣтовъ! и какъ всѣ хороши. И глазъ не хотѣлось бы отвести съ этихъ красавцевъ природы. Но... проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и ихъ слѣда не остается, совсѣмъ нѣтъ ихъ. Всѣ поблекли, повяли, — совсѣмъ смело ихъ съ лица земли, совсѣмъ не стало ихъ. Такова то вотъ и наша жизнь, говоритъ святое писаніе, какъ эти цвѣты: „въ своемъ составѣ мы персть, яко трава дніе наши, какъ цвѣтъ полевой, — пройдетъ надъ человѣкомъ вѣтеръ, и нѣтъ его и не узнать мѣста его“ (Пс. 102: 14—16). И наилучшіе изъ людей изъ сыновъ и дочерей человѣческихъ — самые видные и высокіе, могущіе пользоваться и дѣйствительно во всей широтѣ пользующіеся всѣми, повидимому, благами, всѣми средствами, охраняющими жизнь, питающими и возвращающими ее, предотвращающими малѣйшее распадѣніе ея, подкапываются косою неумолимой смерти, какъ простое травное быліе, какъ цвѣтокъ. — Такъ, слуга человѣка — видимая природа представляетъ человѣку образъ его временной жизни въ этой видимой природѣ, на семъ свѣтѣ, по учительному указанію премудраго слова Господня. — И никому, никогда и нигдѣ не отвратить въ конецъ и не избѣгнуть этой косы времени, состоящаго тоже въ свою очередь изъ извѣстнаго чередованія временъ, уносящагося въ вѣчность, забирающаго и уносящаго съ собою въ эту необъятную вѣчность все временное.

Но зачѣмъ же это всѣ люди умираютъ? Зачѣмъ умирать всѣмъ неизбѣжно? Ужъ не желательно ли каждому самому умирать? Не слѣдуетъ ли непременно умирать всѣмъ, по первоначальному происхожденію человѣческаго рода? — Какъ видимъ, нисколько. Посмотрите на какаго угодно больного, который въ прямой опасности умереть: онъ готовъ сдѣлать все, что ни предпринметъ ему врачъ и не только врачъ, а и простой знахарь и всякій совѣтникъ, — онъ готовъ принимать самыя горькія, самыя непріятныя, отвратительныя лекарства. Согласитесь, коли представляется нужнымъ для сохраненія жизни даже предположительно, отрѣзать себѣ руку, ногу, вырѣзать ту или другую часть тѣла, даже

напр. глазъ, допустить самую ужасную операцію... Вообще замѣчено, что люди готовы рѣшиться на все, что хотите, лишь бы продолжать имъ много-мало свою жизнь и лучше продолжать. А среди величайшихъ опасностей для жизни необходимо стремятся всѣ къ охраненію жизни, порицаютъ незаботящихся объ охраненіи ея въ себѣ и другихъ, растрачивающихъ ее, — и всѣ стараются, на сколько это возможно, не думать о смерти въ самой себѣ. Такъ не естественна смерть человѣку!

Ежели же люди сами не желаютъ себѣ смерти, какъ смерти самой въ себѣ, — желать же ее допускаютъ развѣ совсѣмъ непріязненному для кого либо и вообще по чему либо ненавистному человѣку, то зачѣмъ же бы это непременно, неизбѣжно всѣмъ намъ умирать? Смерть неестественна, — и однакоже умирать — въ порядкѣ вещей и неизбѣжно? — На это такъ отвѣчаетъ святое писаніе: *якоже единьмъ челоукомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся челоуки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша* (Симл. 5: 12), т. е. какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть; такъ и смерть перешла ко всѣмъ людямъ — во всѣхъ человѣкахъ, потому что въ немъ единомъ первомъ человѣкѣ всѣ согрѣшили. Первый человѣкъ согрѣшилъ, сталъ грѣшникомъ и умеръ, — всѣ мы отъ перваго человѣка-грѣшника люди и люди именно грѣшныя, грѣшники и потому всѣ и умирать должны. Смерть и необходимое послѣдствіе внутренняго, духовнаго разлада, вносимаго въ челоучество грѣхомъ, заключеніе грѣховной челоуческой жизнедѣятельности, и возмездіе грѣховнаго ея теченія, по вмѣстѣ есть, бр., и всеблагое избавленіе отъ таковой жизни во грѣхѣхъ и соединенныхъ съ нею различныхъ и повсюдныхъ житейскихъ нестроений: что и безконечное продолженіе жизни въ семъ времени, на сей землѣ — въ этой юдоли разладовъ, всяческихъ бѣдъ и плача?! И вотъ умираетъ каждый, — нѣтъ пощады отъ смерти ни старому, ни малому, ни грѣшнику, ни челоуку праведному, хотя для послѣдняго смерть весьма желанна и вождѣльна, такъ какъ для него она есть вождѣльный переходъ „на лучшая“, ожидаемое „предложеніе на пользѣйшая“ (6 мол. въ вечеръ пятидесяти.), такъ какъ презрѣнное желаніе такого христіанина, лѣбѣемое имъ во всю жизнь, есть именно скорѣе *разрѣшиться* отъ сихъ узъ плоти и со Христомъ *быти* (Филип. 1: 23) въ преславномъ небесномъ царствіи Его. — Правда, какъ то особенно бываетъ грустно, когда видимъ, что смерть, по нашимъ соображеніямъ, какъ бы иногда преждевременно постигаетъ много: одного въ цвѣтѣ юности, другого въ крѣпости мужества, а то въ опытѣ старости, какъ и почившаго архинастыря нашего, когда челоукъ, повидимому могъ бы еще и еще благополучно свершать дѣла свои на семъ свѣтѣ. Но въ дѣйствительности никогда не бываетъ преждевременно, поелику всему есть свое время въ общемъ распорядкѣ временъ и во временахъ есть свое время всему сущему временнымъ, *время всякой вещи подъ небесымъ* (Екклез. 3: 1—8). Могъ ли бы дѣйствительно благополучно совершать дѣла своего служенія и положенія въ извѣстномъ направленіи и на послѣдующее время тотъ и другой усоній, или уже не быть ему такимъ благополучнымъ совершителемъ, какъ другіе, становящіеся на его мѣсто въ извѣстное время — это, конечно, не выслѣдить намъ. Но если тотъ или иной отъѣмлетъ изъ среды живущихъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ извѣстное время, стало быть, время его съ дѣятельностью въ этомъ мѣстѣ уже окончилось. Добро, которое предстояло ему сдѣлать

тамъ и тутъ и которое онъ могъ совершить совершенны имъ, — и онъ снимается со своего свѣщника, переносится въ иное мѣсто, да свѣтитъ и тамо, а то и прямо изъемяется изъ среды всѣхъ живущихъ, какъ уже совсѣмъ свершившій теченіе свое. Большой изъ всѣхъ рожденныхъ женами св. Іоаннъ Предтеча лишь доколѣ былъ на рѣкѣ Іорданѣ и дѣйствовалъ тамъ широкою благоползѣйшею дѣятельностію, принадлежающею ему тамъ въ это время, доколѣ не явился тамъ долженствующій быть именно тамъ Господь Іисусъ, по явленіи котораго въ міръ и подготовленіи къ своему служенію надлежащемъ, св. Предтеча уже, очевидно, долженъ былъ само собою сняться съ Іордана—этого безгранично широкаго поля его дѣятельности и сократиться въ оной дѣятельности заключеніемъ на время въ темницу, а потомъ, когда уже повсюду долженъ былъ сіять совершенный свѣтъ всецѣло отъ самаго Господа Христа, къ которому всѣ люди уже и должны были обращаться, не раздвояясь въ своемъ обращеніи по лицамъ, къ которымъ обращались при стремленіяхъ къ вѣчнымъ интересамъ жизни, — и когда св. Іоаннъ и въ темничномъ заключеніи въ конецъ выполнилъ все, что надлежало ему выполнить на землѣ, онъ подвергается общей участи величайшихъ въ мірѣ праведниковъ, стяжавшихъ особыя побѣдныя вѣнцы по роду трудовъ своихъ и со трудами потовъ, умираетъ извѣстною мученическою смертію при злосчастномъ ирѣ пировавшихъ съ илсавидами (Лук. 7: 18—28. Іоан. 1: 19—36. Мат. 3: 1—17. 11: 2—11. 14: 1—11). Такъ можемъ понимать и относительно каждаго смертнаго—старога или молодого, высокаго по общественному и церковному положенію или самаго меньшаго изъ братіи, праведнаго или не рекомендующаго себя вообще праведною жизнедѣятельностію.

Одно тутъ, бр., утѣшеніе—утѣшеніе въ той, подлинно всеутѣшительной, высокой христіанской надеждѣ, что Христосъ Господь, любвеобильный Спаситель всѣхъ, равно бдитъ и надъ умершими, сущими во гробѣхъ, упокоивающимися отъ многоразличныхъ трудовъ и потовъ, понесенныхъ въ жизни сей и вообще дѣлъ по вѣрѣ въ Него совершенныхъ, какъ и надъ живыми, *все бо Тому живи суть* (Лук. 20: 38), и наконецъ воскреситъ всѣхъ въ послѣдній день и притомъ такъ, что въ этотъ послѣдній день суда и воздаяній *мертви о Христѣ воскреснутъ первѣе* и первѣе воспрянутъ во срѣтеніе Господа, грядущаго на обладѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою, *живущи же, оставши уже купно съ ними, потомъ, изготовятся къ восхожденію на облацяхъ и восхожденны* будутъ къ сему срѣтенію, чтобы уже вѣчно *быть съ своимъ Господомъ* (1 Сол. 4: 15—17). И Господь Іисусъ не только воскреситъ всѣхъ и приметъ къ Себѣ, но, послѣ нѣкоего упокоенія отъ всѣхъ потовъ, трудовъ и вообще дѣлъ, понесенныхъ по вѣрѣ въ него и никогда не пропащихъ воздасть за всѣ сіи поты и труды воздаяніемъ великимъ. *И слышахъ гласъ съ небеси глаголющъ ми, говорить по этому предмету святой тайновидецъ Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Христовъ, напиши: блаженн мертви, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ за ними* (Апок. 14: 15), т. е. „услышалъ я голосъ съ неба, говорящій мнѣ: напиши: отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе о Господѣ. Ей, говорить Духъ, — они упокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“. Вотъ и тайна этого смертнаго состоянія—упокоенія на лонѣ смерти со всѣми дѣлами дѣлавашаго, — вотъ и отрада воздаянія за дѣла, яже не изче-

зуютъ безслѣдно и не остаются особно отъ дѣлавшихъ ихъ, а необходимо идутъ вслѣдъ дѣлавшихъ, ходатайствуя имъ собою мздовозданіе велико, хотя, конечно, по роду и качеству дѣлъ, и терпѣливому пребыванію въ нихъ, и неравное и не одинаковое.

Съ этимъ то вотъ утѣшеніемъ мы погребаемъ своихъ усопшихъ, нашихъ присныхъ, приходимъ на могилы ихъ и усыпальницы, тамъ и здѣсь молимся о нихъ въ духѣ вѣры и упованія, и чувствуемъ, и сознаемъ, и убѣждены, что такое упованіе наше, ей, не посрамить ны. И, подлинно, и душѣ отрадѣ, и сердцу веселѣе и не только отрадѣе и веселѣе, а и совсѣмъ успокоительно. Усопимъ же, подлинно, прелебная польза, когда церковное бываетъ о нихъ моленіе и особенно когда „возносится о нихъ всевятая отъ церкви и безкровная жертва“, возсылаются моленія и жертвы, благоползѣйшія притомъ и для самихъ насъ, бр., живущихъ, приносящихъ и возносящихъ огня: всякій бо, желающій облагодухавать кого либо какою либо благовоною мастію, прежде облагодухаванія ею другого, уже самъ окружается и проникается симъ благовоніемъ, и становится, благодаря сему благовонію, лучшимъ и въ себѣ, привлекательнѣйшимъ и для другихъ.

Тяжолъ, правда, бр., и глубоко тяжолъ образъ смерти, тяжолъ особенно въ лицѣ напр. прекраснаго, прежде полнаго жизнію челоуѣка, какъ и почтеннаго старца, осребреннаго отъ самаго Создателя всяческихъ досточтимыми сѣдинами. Руки опускаются и остаются неподвижны, — взоръ, прежде свѣтлый, чистый взоръ меркнетъ, а потомъ и совсѣмъ закрывается, — щеки нѣкогда свѣжія румяныя щеки блѣднѣютъ и холодѣютъ, синѣютъ, — языкъ нѣмѣетъ и потомъ совсѣмъ безмолвенъ; а наконецъ все тѣло, какъ разбитый сосудъ, разваливается, распадается, гниетъ, какъ и все тлѣющее. И чтожь? Истинный ученикъ Христовъ, пріавшій вѣрою сердца евангельское Божественное слово, и при этомъ тяжеломъ, страшномъ образѣ смерти, всетаки неукоснительно, съ дерзновенною побѣдною радостію говоритъ себѣ и другимъ, даже стоя на могилѣ самыхъ развитыхъ, тлѣныхъ сосудовъ плоти, куда опускаютъ, обыкновенно, наши разорившіяся тлѣсныя храмины: „Смерть! гдѣ твое жало?!“ Раззореніе тлѣсной нашей храмины, тлѣніе тлѣннаго сосуда плоти есть не болѣе, какъ путь всея земли. А я знаю, что и самъ Христосъ Спаситель былъ во гробѣ, а тѣмъ благословилъ и освятилъ сіи всѣ гробы и разныя наши погребальныя пещеры, склены, могилы. Пречистая Дѣва Богородица также спизшла во гробъ, какъ и всѣ святые угодники Божіи во гробахъ же упокоются своими труженическими тѣлами. И се путь всея земли! Могила, гробъ принимаютъ и могутъ принять только наибѣднѣйшую часть нашего существа тѣло наше, тогда какъ душа, эта лучшая, безсмертная часть нашего существа не знаетъ гроба. Мы вѣдъ знаемъ, что и съ закрытыми глазами мы можемъ какъ бы видѣть разныя вещи, представляя ихъ себѣ. Когда спимъ, разныя предметы совершенно ясно и отчетливо представляются намъ во снѣ. Такимъ образомъ, душа можетъ жить, думать и дѣйствовать сама собою и независимо отъ тѣла, — такъ же вотъ можетъ она и продолжать свою жизнь и тогда, когда тѣло лежитъ во гробѣ, совсѣмъ бездыханнымъ. Мы можемъ долго-долго быть нашими тѣлами во гробѣ, въ могилѣ; но не на всегда. Богъ силенъ, всемогущъ воскреситъ и дѣйствительно воскреситъ наши тѣла во свое время и онъ возстанутъ, — и возстанутъ лучшими, таковыми, каковыми собственно и слѣдуетъ быть имъ: по первоначаль-

ному устройнію ихъ во Адамъ и возсозданію во Христѣ, не тлѣнными возстанутъ, каковы онѣ теперь, а совершенно непричастными тлѣнію, не смертными, а бессмертными, не душевными, а духовными (1 Кор. 15: 53). Видимъ мы напр. прекрасную бабочку, порхающую съ цвѣтка на цвѣтокъ: она тоже была въ гробу своего рода; но Господь вывелъ ее изъ этого гроба. Видимъ зеркало, въ которомъ такъ хорошо, прелестно отражаются наши лица, каждый волосокъ на головѣ, каждый изгибъ въ тѣлѣ. А изъ чего и какъ оно сдѣлалось? Смотря на грубые слои песка, можно ли бы подумать, что изъ этого песка искусствомъ человѣка со временемъ можетъ быть сдѣлано такое прекрасное стекло, служашее намъ теперь отличнымъ зеркаломъ. Подлинно, мудръ и могучъ человѣкъ; но, всеконечно, премудрѣе и всемогущѣе Богъ, Который создалъ все, Который и воскреситъ насъ послѣ смерти нашей въ иномъ, лучшемъ тѣлѣ своею безмѣрною премудростію, своимъ превеликимъ всемогуществомъ.—И гдѣ же ты, смерти, твое неумолимое жало!

Какъ всё мы, бр., умремъ неизбежно въ свое время, такъ и возстанемъ также непремѣнно изъ гробовъ въ свое время. Но только не всёхъ, бр., ожидаетъ за гробами одинаковая участь. Знаемъ напр. изъ исторіи праведнаго Иосифа прекраснаго, что виночерій и хлѣбодаръ равно въ одно время были выведены изъ темницы, въ которой равно были оба. Но одинъ изъ нихъ былъ помилованъ и взысканъ милостію и благостію царя, а другой осужденъ на смерть волею того же царя! (Быт. 40, 20—22). *Не дивитесь сему, говоритъ самъ Спаситель, яко грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота: а сотворишии злая — въ воскресеніи суда* (Іоан. 5: 28. 29). „Не дивитесь сему; ибо наступаетъ время, въ которое всё, находящіяся въ гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ творившии добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшии зло — въ воскресеніе осужденія“. Гробъ, могила — для однихъ есть такимъ образомъ мѣсто, чрезъ которое добрые и добродѣтельные, правдолюбивые вѣрующіе люди, сошедши съ этой земляной ветхой одежды облечутся въ новую, иную, неизмѣримо и несравнимо лучшую для срѣтенія своего Господа на воздухѣхъ; а для другихъ, неоступавшихъ по долгу правды и правиламъ святой вѣры, недѣлавшихъ добра и жившихъ нечестиво — мѣсто, по изшествіи изъ котораго мученіе вѣчное.—Тѣмъ настоятельнѣе и крѣпче стремленіе молиться за усопшихъ нашихъ, тѣмъ серіознѣе и строже должно быть вниманіе наше къ себѣ въ цѣлой совокупности поведенія нашего во всей своей жизни.

Бр. христіане! Какъ ни продолжать на долго въ мысляхъ жизнь свою въ этомъ временномъ мірѣ; но, безъ сомнѣнія, уже выросли деревья, выкованъ, можно полагать, и металлъ, изъ которыхъ сдѣлаютъ и намъ гробы, и часъ смерти близко ли, далеко ли онъ постигнетъ непремѣнно и насъ, какъ и почившаго, о немъ же память творимъ нынѣ, не оставитъ ожидать себя слишкомъ долго: *не вѣсте ни дне, ни часа, въ онъже сынъ человеческій придетъ* и воззоветъ ны къ Себѣ: *сега ради будите готови на всякъ часъ и бдите* (Мат. 25: 13), *бодрствуйте, — бдите и молитесь, да не нападетъ* (Мат. 26: 41).

Итакъ да не смущаемся, что предъ нами могила и смерть. Се есть путь всея земли. И для насъ есть всеутѣшительное Спасителево слово: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ, имѣетъ жизнь вѣчную и Я воскресу его въ послѣдній день* (Іоан. 6: 54,

56). *И то есть воля Отца, да все, что Онъ далъ, ничего не погубитъ; но вся воскреситъ въ послѣдній день* (Іоан. 6: 39). *Смерть! идѣ же твое жало? Адъ! идѣ же твоя побѣда?* (1 Кор. 15: 55).

Богу благодареніе, давшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ (1 Кор. 15: 57).

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Изъ Западно-Русской жизни. Моск. Вѣдом. № 116, 117, 118).

Шумитъ село Орѣхово, что ичелиный рой когда вѣснее солнце проглянетъ въ остывшій улей своими животворными лучами: по селу движеніе, суета, забота. Завтра престольный праздникъ въ Орѣховѣ. Изъ дальнихъ деревень, изъ окрестныхъ поселковъ соберутся къ Орѣховцамъ дорогіе гости: нужно принять ихъ, нужно показать себя на славу чтобъ о насъ по свѣту добрая молва ходила. Работы, работы-то еще сколько, а ясное солнце уже опускается все ниже и ниже, уже захватываетъ золотистымъ краемъ верхи темнаго бора. „Живѣе, живѣе!“ разносится по селу. Бабы такъ и головы потеряли совсѣмъ въ хлопотахъ: то то не начато, то то не dokonчено.

А господами кто мететь дворъ, кто припрятываетъ около клуни разныя господарскія екарбы.

Въ сосѣднемъ съ правленіемъ бѣленькомъ домикѣ училища идетъ свѣвка.

— Овсенюкъ, Овсенюкъ, доносится сквозь раскрытое окно старческой, разбитый голосъ дьячка, — да ты, братъ, пробуй выше, подноси, вытягивай! Такъ: и-и-и! Ну, ну! По-ми-луй! Эхъ какой ты, смѣлѣе же бери: и-и-и!

— Поми-и-и-луй! звучитъ отвѣтомъ серебристый голосъ Овсенюка.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, хорошо! одобряетъ дьячекъ. — Ну-ка, хлопцы, разомъ, грянтѣ Херувимскую!

И далеко по селу звучнымъ хоромъ несутся молодые голоса и будятъ въ благочестивыхъ сердцахъ ожиданіе завтрашняго торжественной службы.

Около церковной ограды собираются первые ряды богомольцевъ. То дальній народъ по обѣту поднявшійся въ путь къ чудотворной иконѣ Богоматери, чтобы предъ Нею излить свои скорби, свое горе-бездолье и вымолить наболѣвшей душѣ цѣлительное облегченіе. Со всего Подлѣсья собирается сюда деревенскій людъ, не считаясь даже различіемъ въ обрядѣ: и тошій Мазуръ въ своей сѣрой капотѣ, и въ черной свитышѣ, загорѣлый, темный что жукъ, Берестовець, и бойкій мѣщанинъ изъ ближняго города, и чистый Королевецъ въ синей шапкѣ на бокренѣ, опушенной вокругъ швыми баранками. А между всѣми ими, какъ дубъ среди лиственнаго лѣса, важно стоитъ Бѣловѣжскій стрѣлокъ, опирающийся рукой о широкій поясъ, ловко стягивающій его стройный станъ. Кто на возу съ цѣлою семьей, кто самъ-другъ съ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами. Каждый жметъ ближе къ церкви, каждый нарываетъ, въ кругу односельчанъ, занять къ ночи лучшее мѣстечко.

У самой церковной ограды странствующіе торговцы сколачиваютъ на скорую руку балаганы. Огромныя телѣги, расположенныя тутъ же, крѣпкія ломовыя лошади, большіе ящики съ разнымъ товаромъ привлекаютъ къ себѣ толпу любопытныхъ.

У Самуся церковнаго старосты домъ полощъ народомъ. То „дивчата“ со всего села сошлись къ Самусевой дочкѣ праздновать свою дѣвичью братскую свѣчу. Дѣвушки собралась около пылающаго очага. Кто воскъ разогрѣваетъ

надъ горячими угольями, кто готовить изъ льну свѣтильни. Но и Самусева хата не вмѣщаетъ гостей: и на дворѣ, предъ домомъ, и въ вишневомъ садикѣ сходятся дивчата веселыми кружками, пѣсни ведутъ и плетутъ вѣнки которыми къ завтрашнему дню украсятъ свои братскія свѣчи. Предъ каждымъ престольнымъ праздникомъ нужно обновить ихъ ярымъ воскомъ, нужно пышифе убрать цвѣтами.

— Ну, закусывайте, закусывайте, людкове *), нечего ждать! обращается Самусь къ своимъ гостямъ-братчикамъ, которые помогали ему въ церкви управиться къ празднику,

— А что, дядько, говоритъ Самусю Якимъ, старшій братчикъ, подручный Самуся, — солнце закатилось счастливо, чисто, нужно ожидать хорошей погоды, а когда ясный день станетъ, то и пароду тѣма соберется.

— Все во власти Господней, отвѣчаетъ Самусь, — а уже никогда не соберется къ намъ на праздникъ такой силы какъ это на моей памяти въ старину бывало. Много терпѣлъ народъ, такъ и ко Господу сильнѣе усердствовалъ. Два, три дня праздникъ стоялъ. Сосѣдніе приходы выдутъ къ намъ братствомъ, съ духовенствомъ и хоругвями, а мы встрѣчаемъ ихъ далеко за селомъ. Сойдутся крестные ходы, поклонятся другъ другу до земли хоругвями, встрѣтятся братскимъ цѣлованіемъ, а потомъ служба Господня пойдетъ, да послѣ нея пиръ горой станетъ. Горилка тогда дешевая была, пиво да медъ по достатку сами наваривали. Такъ то: лучше теперь живется на Божьемъ свѣтѣ бѣдному человѣку, за то къ Богу меньше усердія стало...

— Пускай насъ утѣшаетъ Матерь Божія! прерываетъ рѣчь Самуся Якимъ. — И я помню тѣ времена, а не желательно было бы чтобъ они возвращались снова.

— Ну, ну, а ты еще своего не забываешь, говоритъ улыбаясь Самусь, — я думалъ что уже зажила твоя спина, а твое сердце все еще злобой кипитъ.

— Еще бы не болѣть ему! со вздохомъ замѣчаетъ Якимъ. — А за что били? За правду! Громада выбрала меня посланцемъ въ губернію съ жалобой на пана, а какъ прилепелъ я туда, такъ тамъ все ихніе паничи сидятъ... Вотъ и схватили меня и отправили подъ карауломъ къ своему же пану, ему самому жаловаться на нашу отъ него обиду. И такой опъ мнѣ отвѣтъ далъ, что я послѣ этого два мѣсяца не сходилъ съ палатей. Праздникъ Христовъ, „великъ день“, люди радуются, дѣлятся съ семьей краснымъ личкомъ, а я лежу въ безпамятствѣ со спиной ископшеною что твоя капуста. И семья безъ хлѣба сидитъ. Не помогите вы мнѣ тогда, дядько, можетъ-быть давно бы меня и на свѣтѣ не было, а дѣти мои подъ окнами хлѣба бы просили.

Полночь. Уснули и высокія деревья кругомъ церкви на обширномъ погостѣ. Лишь легкій вѣтерокъ шелеститъ листовъ въ ихъ густыхъ вершинахъ, будто навѣвая вокругъ сладостныя грезы. Яркіе лучи мѣсяца пробиваются сквозь тѣнь вѣтвей и бросаютъ причудливые свѣтовые узоры по травѣ, на которой отдыхаютъ усталые богомольцы. У самыхъ дверей церковныхъ стоитъ на колѣняхъ древняя старушка и принадаивъ лицомъ къ землѣ и сиѣнно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, творить усердную молитву.

А тамъ далеко, далеко надъ землей, по безбрежному простору небосклона, привѣтливо мерцаютъ ясныя звѣзды. И мнится: плютъ онѣ оттуда и радость и счастье въ бездольную жизнь человѣка.

— Еще солнце не успѣло согнать съ лица земли росы

*) Людкове — уменьшительное отъ слова люди.

утренней, а уже гулъ стоитъ надъ Орѣховомъ. То людскіе голоса сливаются въ одинъ бурный потокъ, мчатся волнами нестройныхъ звуковъ, перекатываются, стономъ стонутъ, будто разъяренное озеро когда его вспѣвившіяся волны расшибаются о кремнистый берегъ. А къ Орѣхову подступаютъ со всѣхъ сторонъ еще новыя толпы народа, тянутся возы, мчатся легкіе брички, даже самъ становой несется на своей отхоленной тройкѣ, а по сторонамъ его экипажа скачутъ урядники. „Дорогу, дорогу!“ звонятъ звонки станового, дробятся въ утреннемъ воздухѣ тысячами звуковъ, голосистымъ эхомъ разливаются по лѣсу.

Народъ сиѣнно сторонится и снимаетъ шапки.

Наконецъ въ Орѣховѣ хоть яблоко кинь — не упадетъ на землю, задержится о людскія головы. Куда ни взглянешь, все чернѣютъ бараньи шапки, нестрѣютъ женскіе наряды, разнообразныя костюмы перемѣшались въ сплошную толпѣ народа, которая загрохотала собою всю Орѣховскую улицу, стала и лишь по срединѣ ея движется медленною струей.

Во дворахъ, на задворкахъ, у огородныхъ изгородей, кому какъ пришлось, расположилось господарство съ возами, жмутся бабы съ дѣтьми, вольно стоятъ паробки, красуются дивчата въ яркихъ праздничныхъ уборахъ. Веселая рѣчь льется со всѣхъ сторонъ неудержимо, вызываетъ общее оживленіе и трепещетъ на устахъ радостною улыбкой.

Чѣмъ ближе къ церкви, тѣмъ гуще становится толпа народная, а межъ тѣмъ сквозь ея почти непроницаемыя ряды прорывается, направляясь къ священническому дому, запоздавшая деревенская знать. Какаля-то огромная колымага запряженная четверкой такъ и застряла среди массы народной...

— Звонятъ къ обѣднѣ. Народъ набожно крестится и торопится пробраться къ церкви. Отъ воротъ церковной ограды вплоть до самыхъ дверей храма двумя длинными рядами расположились по землѣ нищие, калѣки въ дырявыхъ, что рѣшето, свиткахъ, съ исковерканными членами, слѣпые, безногіе, мушны, бабы, дряхлые старики съ молоденькими поводырями.

„Ой, люди Божіе, христіане православныя, подайте милостыньку благочестивую! Ой, за свое здоровьечко, за душеньки змерлыя *), за унасеніе добыточку! **) Ой, во дни и ночи, на утреннихъ зоряхъ, на вечныхъ понасахъ!“ ***) Нестройнымъ воплемъ несутся жалобныя причитанія. Народъ проходитъ между рядами нищихъ-калѣкъ и кладетъ на ихъ протянутыя руки посылное подаваніе. Вотъ, къ нищему-слѣпцу нагибается пожилая женщина, добываетъ изъ платка крошечный кусокъ пирога и тычетъ его въ руку калѣки. „За душу Ивана!“ несется ея голосъ, и женщина направляется къ слѣдующему нищему съ тѣмъ же приношеніемъ, съ тою же жертвой.

„Ой, помани, Господи, душельку Ивана да во царствіи небесномъ, упокой его во своихъ ясныхъ свѣтлостяхъ!“ голоситъ слѣпной, пока не подойдетъ къ нему другой жертвователъ и не произнесетъ предъ нимъ новаго имени.

У самой церковной ограды столпился народъ и оттуда доносится заунывная нота пѣсни. Подъ клеюмъ, опираясь спиной объ его древній стволъ, сидѣлъ калѣка-убогій. На головѣ у него громадный колтунъ, который длинными, черными, сбитыми въ войлокъ, космами ниспадаетъ по плечамъ

*) Душеньки змерлыя — покойники, души усопшихъ.

**) Добытокъ, добыточокъ — скотъ домашній всякаго рода.

***) Понасъ, покормка, пастыба.

бѣдняка и своею тяжестью оттягиваетъ назадъ его голову. Жидкая бородка торчитъ всклокоченнымъ клиномъ; грудь распахнулась, дышетъ порывисто и за всякимъ вздохомъ болтаются на ней безобразные клочки сорочки. Порыжѣвшая отъ времени и вся въ заплатахъ свитка едва прикрываетъ его исхудалое тѣло, а босыя ноги протянулись по землѣ. Болѣзнь исковеркала ихъ до того что ступни загнулись внутрь...

Нищій покончилъ свою заунывную пѣсню и повелъ вокругъ дикимъ, восмаленнымъ взоромъ. „Ой такъ, такъ людкове!“ заключилъ онъ, и народъ съ почтениемъ, въ которомъ въ то же время проглядываетъ и страхъ, и сочувствіе, и сожалѣніе, опускаетъ мѣдные гроши въ баранью шанку калѣки.

— Такъ, такъ людкове! повторяетъ онъ, и на его устахъ блуждаетъ страдальческая улыбка. — Такъ, правда на небо вошла и лѣсенку за собой внесла... Нема въ свѣтѣ правды!..

— Ой, такъ, такъ! повторяетъ толпа съ глубокимъ вздохомъ, — нема тоби *) на землѣ правды.

По церковному погосту толпится народъ. Въ тѣни деревьевъ предъ наоями стоятъ священники и жмутся къ нимъ давніе обѣтъ исповѣдываться въ чудотворномъ мѣстѣ. Много ихъ, священники еле успѣваютъ.

У колокольни нѣсколько столовъ за которыми располагаются довѣренныя мѣстнаго священника съ письменными принадлежностями готовясь выписывать заказываемыя обѣдны. За однимъ изъ такихъ столовъ стоитъ молодой, франтоватый семинаристъ. Скоро его окружаетъ народъ развязывая свои кошельки и кладетъ на столъ гроши трудовые.

Къ столу проталкивается бабенка.

— Что тебѣ? спрашиваетъ ее семинаристъ, не отрываясь отъ работы.

— Обѣдню святую, паночку, произноситъ та съ заискивающимъ взглядомъ, поглядывая въ лицо записчику.

— А за кого? освѣдомляется тотъ.

— За душечки змерлыя, паночку, торопливо отвѣчаетъ она, развязываетъ узелъ на концѣ платка и добывая изъ него двѣ серебряныя монетки, бережливо опускаетъ ихъ на столъ.

Семинаристъ начинаетъ записывать; а женщина задумывается. Вдругъ глаза ея всыхиваются, она судорожно вновь развязываетъ платокъ, добываетъ изъ него еще серебрянную монетку и съ низкимъ поклономъ кладетъ ее на столъ.

— Паночку, ой!.. Головенька моя бѣдная, мало мало не забыла. Вотъ еще... Это за скотиночку... То за душечки змерлыя было, а то еще и за скотиночку прибавте! поленяетъ женщина.

— Ладно! улыбаясь соглашается семинаристъ.

Женщина уходитъ, уступая мѣсто другой такой же жертвовательницѣ, которая вмѣсто денегъ подаетъ „на обѣдню святую“ обрѣзокъ самодѣльнаго полотна и двѣ горсти льну.

Скоро около стола наклоняется цѣлая гряда обрѣзковъ полотна, платковъ, льну, связокъ конопли и т. п. Все это „обѣдныя“ приношенія, и тяжкую обиду почувствовалъ бы жертвователь, еслибы подобное приношеніе его не было принято.

Изъ церкви сквозь раскрытое окно доносится стройное пѣніе. Трудно, даже невозможно пробиться во внутренность церкви главнымъ ходомъ, по этому богомольцы въ молитвенномъ состояніи окружаютъ церковь или же на колѣнахъ ползаютъ вокругъ оной. Для лицъ привилегированныхъ

открытъ входъ изъ боковыхъ дверей чрезъ ризницу, въ которой толпится деревенская знать, мѣшаясь съ духовенствомъ. Братчики важно стоятъ наблюдая за порядкомъ, а старый Самусь расположился предъ иконостасомъ и продаетъ народу бѣлыя московскія и маленькія желтенькія своего издѣлія свѣчки. Уже подсвѣчники гнутел подѣ множествомъ такихъ свѣчей, уже не придумаетъ какъ и куда ихъ приладить, но Самусь ухитряется свернуть нѣсколько ихъ вмѣстѣ и таки прикрѣпитъ гдѣ-либо, потому что великій грѣхъ откладывать въ сторону эту жертву Господу, пока вся она не испепелилась предъ образомъ. Отъ солен до дверей церковныхъ прорванными уже рядами стоятъ братства со своими высокими, чуть не въ ростъ челоуѣка свѣчами, окрашенными зеленою краской, и въ дѣвичьемъ братствѣ новитыми вокругъ вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Въ церкви жара невыносимая; потъ струями катится по лицамъ богомольцевъ. Изрѣдка лишь сквозъ раскрытыя окна легкою струйкой пронесется вѣтерокъ, всколыхнетъ въ вышинѣ волны кадила дима и повѣтъ освѣженіемъ на толпу народную. Толпа перемнется съ ноги на ногу, вздохнетъ радостно, и еще сильнѣе раздастся по церкви молитвенный шепотъ народа.

Обѣдня приходитъ къ концу. За иконостасомъ замѣтно усиленное движеніе: то духовенство стало одѣваться въ ризы къ предстоящему крестному ходу.

Изъ толпы народнои начинаютъ пробиваться на средину церкви причастники. Они обращаются къ своимъ роднымъ и односельцамъ, кланяются и пожимаютъ руки ровестникамъ, цѣлуютъ руки у старшихъ возрастомъ.

„Простите, дядько, простите грѣхи, матуленько!“ съ разныхъ сторонъ разносится межъ народомъ.

Самусь подходитъ къ клирсу, на которомъ столпился въ кучку весь орѣховскій хоръ. Онъ теперь усилился дьячками изъ сосѣднихъ приходоу, нѣсколькими мѣщанами изъ ближняго города, бывшими дворовыми, а также двумя-тремя крестьянами изъ грамотныхъ „съ голосомъ“.

— А вы важно сѣли Херувимскую! одобрительно замѣчаетъ Самусь чуть не своему ровеснику дьячку, почти-тельно подпоясавъ ему берестовую тавличку съ табакомъ.

— Подождите, пане старосто, то ли еще будетъ, воодушевляется старикъ, — сейчасъ концертъ грянемъ! Хлопцы, не выдавать! обращается онъ къ хору. — Ты, Овсенюкъ, затяивай выше; Деркачъ, ты низомъ бери... Тепора, не зарывайтесь! Ну, начинай! командуетъ онъ порывисто взмахивая рукой.

„О всецѣтая Мати, о всецѣтая Мати!“ дружно подхватываютъ голоса.

— Басы, тверже бери, налегай! горячится старикъ, подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ и, какъ насѣдка крылья надъ итвичиками, расправивъ надъ дискантами свои дрожащія руки.

— Изъ-за иконостаса къ боковымъ дверямъ храма медленно направляется священникъ со Святыми Дарами. Ему предшествуютъ братчики съ высокими свѣчами. Народъ быстро разстунается, благоговѣнно преклоняясь предъ святыней.

А за дверями храма, вдоль церковныхъ стѣнъ, уже выстроились длинными рядами причастники обоюго пола и разныхъ возрастовъ. Они падаютъ ницъ при появленіи святыни и, поднимаясь съ лицами взволнованными религиознымъ чувствомъ, трепетно ждутъ приобщенія Животворящихъ Тѣла и Крови Искупителя.

*) Тебѣ, для тебя.

Полдень. Солнце достигло зенита и съ недостигаемой высоты бросаетъ на землю цѣлое море жгучихъ лучей, которые пылаютъ огнемъ въ золотой чашѣ съ причастіемъ, отражаются тысячами искръ въ блестящихъ священническихъ ризахъ и скользятъ по загорѣвшимъ лицамъ причастниковъ, чтобы затѣмъ утонуть въ зеленой травѣ покрывающей погостъ, или исчезнуть въ борьбѣ съ густою тѣнью, которую кинули отъ себя разросшіяся у церковной ограды высокія деревья. Подъ однимъ изъ нихъ, самымъ тѣнистымъ кленомъ, вѣтви котораго переплелись между собой и образовали живой навѣсъ, устроены изъ тощихъ досокъ подмости и на нихъ какое-то подобіе каеэдры. Съ подмостковъ ведутъ на землю двѣ, три ступеньки, и по обѣимъ сторонамъ ихъ разставлено по направленію къ церкви нѣсколько скамеекъ.

Толпы народа, расположившіяся въ разныхъ группахъ по обширному погосту, при приближеніи священника быстро оправляются и учашенно осѣняютъ себя свѣсными крестами. Только на самой каеэ дрѣбеззаботно продолжаютъ свою возню рѣзвыя ребятишки и скрывшись за ея дощатыя стѣнки съ азортомъ производить обѣны только-что накупленными гостинцами. Легкій ветерокъ шелеститъ надъ ними въ густой листвѣ клепа. Шаловливый онъ уже несетъ легкимъ дуновеніемъ по погосту, заигрываетъ съ яркими лентами въ дѣвичьихъ косахъ, повелитъ господарскими чупрынами и колеблетъ блѣдное пламя на братскихъ свѣчахъ сопровождающихъ священника съ св. чашей.

— Боже, ты мой, Боже! съ глубокимъ вздохомъ обращается къ своей сосѣдкѣ низкая приземистая старуха съ котомкой за плечами, въ новыхъ лиловыхъ лаптяхъ, уже сгорбившаяся отъ старости и напряженно опирающаяся на длинную суковатую палку. — Боже мой, Боже! повторять она вслѣдъ удаляющемуся священнику, — а вѣдь и я, я грѣшная, приплелась сюда чтобъ исповѣдаться во святомъ мѣстѣ, да вотъ грѣхи мои, грѣхи должно-быть тяжкіе...

— И, Господь проститъ, матулечко, ободряетъ ее полнолицая сосѣдка въ новой щегольской свиткѣ и красномъ какъ жаръ платкѣ.

— Милостивъ Господь, а все-таки исповѣдываться нужно бы было, задумчиво произноситъ старуха. — Цѣлую недѣлю почитай ничего и въ ротъ не брала. Все готовилась... Да не успѣла, мое ты солнышко, не успѣла.. Все-то меня назадъ отпихали, а потомъ и батюшекъ въ церковь покликали. Послѣ, говорятъ, другаго дожدهшься праздника. А куда мнѣ ужъ тутъ дожидаться? Того и гляди что въ сырой землицѣ зароятъ твои старыя кости.

Священникъ скрывается въ церковныхъ дверяхъ, а по погосту снова оживаетъ веселый праздничный говоръ. Бабы разсѣживаются на зеленой муравѣ и сзываютъ къ себѣ заправшихся ребятишекъ, а молодыя дѣвчата какъ бы рады отдохнуть, да жаль изнять свои праздничныя платья. Господарство такъ-то не свѣняется и отыскавъ подходящее мѣстечко въ густой тѣни разваливается свободно во всю длину, опирается подбородками на ладони рукъ и ведетъ свою бесѣду. Жаль только что люльки нельзя закурить во святомъ мѣстѣ за церковною оградой, а то бесѣда вышла бы хоть куда. Впрочемъ кто познатнѣе тотъ не рѣшается срамить себя подобною беззастѣнчивостью въ такой многочисленной публикѣ. Вотъ, напримѣръ хоть бы орѣховскій старшина, куда и какъ ему садиться на землю, когда съ того самаго времени, какъ онъ послѣ „оглашенныхъ“ вышелъ изъ церкви провѣтриться со своимъ пріятелемъ мѣщаниномъ изъ ближняго

города, его окружаетъ цѣлая толпа внимательныхъ слушателей. Важный, доложу вамъ, орѣховскій голова. Ростъ соразмѣрный, толщина сановитая, говоритъ всегда баскомъ, когда не видитъ вблизи себя начальства. Всякій узналъ бы въ немъ старшину даже безъ его „медали“, которую онъ такъ щеголевато развѣсилъ теперь на груди. Больно ужъ блеститъ она, должно-быть не мало пришлось ей попробовать предъ праздникомъ тертаго кирпича и суконки.

Изъ церкви подають сигнальный звонокъ на колокольню. „Крестный ходъ, крестный ходъ!“ раздается кругомъ, передается изъ устъ въ уста и волнуетъ погостъ движеніемъ толпы народной, которая направляется къ главному церковному выходу. Нишје-калѣки торопливо поднимаются со своихъ насиженныхъ мѣстъ и ищутъ спасенія отъ напора толпы у стѣны церковной ограды. Въ дверяхъ церковныхъ давка. Народъ рвется изъ церкви неудержимымъ потокомъ и выноситъ чужъ не на своихъ плечахъ знакомаго читателю братчика Якимъ съ запрестольнымъ крестомъ въ рукахъ. Якимъ останавливаясь въ должномъ разстояніи отъ церкви вздыхаетъ порывисто, оправляетъ на себѣ свитку и, сообщая своему лицу важность приличную его настоящему положенію, оглядывается на двери храма, изъ которыхъ одна за другою показываются наклоненныя хоругви. Вотъ онъ уже торжественно развѣваются въ воздухъ... Вотъ изъ церкви несутся прерывающіеся голоса орѣховскаго хора и одинъ за другимъ выносятся толпой сначала дискантики и альты, потомъ тенора, басы и, наконецъ, старикъ дьячекъ съ расстрепанными волосами. Тусклыя очки въ оловянной оправѣ небрежно сдвинулись у него на самый кончикъ носа. Онъ видимо въ тревожномъ настроеніи, торопливо озирается по сторонамъ, затѣмъ отчаянно машетъ руками, наконецъ, собираетъ вокругъ себя разсѣянный хоръ, дѣлаетъ ему нѣсколько свѣсныхъ наставленій и толкаетъ впередъ Овсенюка. Раздается цѣніе праздничнаго тропаря. Налоръ толпы изъ храма временно прекращается и по огромнымъ каменнымъ плитамъ, замѣняющимъ ступеньки у церковнаго входа, медленно спускается двумя рядами духовенство въ праздничныхъ, сіяющихъ ризахъ. Духовенство сопровождаютъ церковныя братства, торжественно поднимая предъ собой свои высокія свѣчи, а за ними опять стремительно рвется толпа, не обращая даже вниманія на деревенскую знать, которая торопится занять мѣсто непосредственно за духовенствомъ. Крестный ходъ медленно подвигается впередъ подъ звуки колоколовъ и церковныхъ пѣсенонѣй. Вотъ онъ остановился порывисто противъ боковой стѣны храма. Смолкли колокола. „Вонмемъ!“ раздается среди безмолвной толпы и по освѣщенному яркими лучами солнца погосту несутся въ воздушныхъ волнахъ будящія душу слова Евангелія.

Кончено чтеніе Евангелія. Крестный ходъ снова двигается и останавливается у импровизованной каеэдры, кругомъ которой быстро стлпливается народъ въ одну сплошную массу. Духовенство занимаетъ мѣсто на скамейкахъ, у самой каеэдры располагается хоръ съ Якимомъ, а позади духовенства устанавливаются хоругви и братства со своими свѣчами. На каеэдру всходитъ проповѣдникъ. Онъ окидываетъ вокругъ себя торопливымъ взглядомъ и со словами „во имя Отца“ медленно поднимаетъ руку, чтобъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и за нимъ съ тою же цѣлю поднимаются тысячи рукъ въ толгѣ народной...

При каждомъ возвышеніи голоса проповѣдникомъ толпа народная колеблется и въ отвѣтъ ему несетъ множество воздыханій. Какаля-то бабенка упала на землю и начинаетъ вехлипывать...

Крестный ходъ послѣ окончанія проповѣди уже быстрѣе доканчиваетъ обходъ церкви, и значительная часть народа остается на погостѣ, торопливо пробираясь нѣсколькими выходами за дерковную ограду.

— Не богата западнорусская сельская ярмарка сравнительно съ великорусскою, на которую десятки торговцевъ является чуть не съ цѣлыми лавками разнаго товара для крестьянскаго обихода, гдѣ играютъ во весь праздничный азартъ цѣлые оркестры странствующихъ музыкантовъ, даются представленія разными фиглярами-фокусниками, разыгрываются безпроигрышныя лоттереи, немолкая „армонія“ подыгрываетъ иѣсенъ разудалой, пекутся на воздухѣ блины, продаются разнощиками всевозможныя деревенскіе гостинцы, а въ трактирахъ стоить стоять и море идетъ разливное. Нѣтъ, западно-русская сельская ярмарка значительно скромнѣе: на нее прѣвзжаютъ лишь нѣсколько торговцевъ лубочными картинами, образками, крестиками, да дешевыми книжками съ московской толкучки, десятокъ возовъ съ лб-локами, грушами, огурцами, и кагалъ евреекъ съ бубликами, баранками, пряниками, лептами, бусами, сережками, кольцами, а иногда платками и ситцами. За то почти весь товаръ, особенно у русскихъ торговцевъ, разбирается на расхватъ, и оживленіе, хоть не столь беззавѣтное, овладѣваетъ народомъ. Но не подогрѣваемое извѣсть, скоро остываетъ оно, и еще до заката солнца ярмарочныя торговцы начинаютъ укладывать оставшіяся не распроданнымъ у нихъ товаръ и собираются въ обратный путь. А по всѣмъ дорогамъ протянувшимся отъ мѣста праздника возвращаются домой группы богомольцевъ съ набожными на народномъ языкѣ иѣсями, и далеко по полямъ и лѣсамъ раздаются чудный прииѣвъ одной изъ нихъ: „Николае Святѣ, помилуй насъ!“

И. Красковскій.

По вопросу весьма серьезному въ религіозно-нравственной жизни нашего народа (Изъ Москов. вѣд.).

Москва, 4 апрѣля. Даемъ мѣсто письму профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба г. Газенкампа, предлагающаго „поправки“ къ нѣкоторымъ фактамъ будто бы невѣрно приведеннымъ въ статьѣ № 83 Московскихъ Вѣдомостей.

Нами было указано на упадокъ нравственности и религіознаго чувства въ нашей деревнѣ, откуда главнымъ образомъ рекрутируется армія. „Съ прекращеніемъ пьянства, распущенности, съ водвореніемъ доброй нравственности, какъ результатами той реформы, канунъ которой мы переживаемъ и которая должна внести въ нашу деревню порядокъ и дисциплину, должна, писали мы, подняться и сила церкви въ народѣ, если только та шкоча, которую проходитъ масса отборныхъ молодыхъ людей изъ народа поступающихъ въ армію будетъ не колебать эту силу, а поддерживать ее и согласоваться съ нею“. Мы говорили, что каждый полкъ составляетъ у насъ приходъ въ полторы тысячи душъ, и что услуги арміи дѣлу духовнаго назиданія могутъ быть незамѣнимы и неоцѣнимы, но что „къ сожалѣнію въ наши военные порядки вторглось и держится многое что не только не поддерживаетъ религіознаго чувства, но можетъ дѣйствовать скорѣе обратнo“.

Наши военные порядки слагались издавна, подъ разными вліяніями. Существующее есть результатъ всего пропалаго. Обличать или винить за это кого бы то ни было, „негодовать на военное вѣдомство“, какъ выражается г. профессоръ, намъ и въ голову не приходило. Напротивъ,

именно въ послѣднее время замѣчается даже нѣкоторое движеніе въ правильномъ смыслѣ. Русская Церковь, соборная и апостольская, управляется епископами, а въ нашей арміи церковное управленіе приближалось къ пресвитеріанству. Это фактъ давно сложившійся, въ которомъ военное вѣдомство виновато всего менѣе. Теперь, напротивъ, признается должнымъ подчинить полковое духовенство епископской власти по мѣсту расположенія полковъ.

Мы указали на факты, видя въ нихъ лишь наружныя признаки неправильнаго положенія, на которое и желали обратить вниманіе властей ответственныхъ въ военномъ дѣлѣ, надѣясь встрѣтить въ нихъ сочувствіе выраженному нами весьма естественному желанію, чтобы русское „христіанское воинство“ не было учрежденіемъ чуждымъ русской церкви. Г. профессоръ Газенкампа ничего не опровергаетъ и не поправляетъ въ нашихъ замѣчаніяхъ, а напротивъ даже подтверждаетъ ихъ, хотя и невольно. Разберемъ по порядку. Мы говорили: „Народъ не философъ, не богословъ; онъ знаетъ церковь, вѣруетъ въ нее, повинуется ей, держась ея уставовъ. Коль скоро каждый въ народѣ начнетъ глупо умничать о предметахъ вѣры и выбирать изъ уставовъ церкви что каждому по праву, то съ религіей въ народѣ будетъ покончено. Съ ослабленіемъ въ народѣ церковныхъ уставовъ, падеть или одичаетъ религіозное чувство. Это-то и забыто. Возьмемъ, на примѣръ, отношеніе арміи къ постамъ. Соблюденію ихъ православный Русскій народъ придаетъ высокое значеніе и крѣпко держится ихъ. Позволительно ли нарушеніе ихъ въ арміи подъ какими бы то ни было предлогами, безъ особаго разрѣшенія самой церкви? Было время когда вся русская армія блюла не только посты, но каждую среду и пятницу. Это дѣлалось недавно, на нашей памяти. Теперь не соблюдается даже и Великій Постъ“.

„Соблюденіе постовъ, возражаетъ г. Газенкампа, требуется и нынѣ“, и ссылается на статью 70 *Положенія о ротномъ хозяйствѣ*, изданнаго въ 1878 году. Въ этой статьѣ сказано: „въ установленныя посты готовится постная пища. Но въ видахъ сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, а также и по особымъ мѣстнымъ условіямъ, начальникамъ дивизіи предоставляется разрѣшать и въ посты приготовленіе для людей скоромной пищи“. Да въ томъ-то и дѣло, что *разрѣшать* въ посты скоромную пищу не должно быть во власти дивизіонныхъ генераловъ. Это не ихъ дѣло. Въ глазахъ народа нарушеніе поста есть *грѣхъ*; какъ же можетъ дивизіонный генералъ разрѣшать то, что вѣрующій считаетъ грѣхомъ? Если кому въ этомъ совѣсть не зазритъ, тотъ не нуждается въ разрѣшеніи, а кто связать въ этомъ совѣстію, того разрѣшать можетъ только церковное благословеніе. Да и какія причины могли бы въ мирное время, при нормальныхъ обстоятельствахъ, побуждать военное начальство къ нарушенію установленнаго церковью и крѣпко вошедшаго въ народную жизнь порядка? Заботы о здоровьѣ. Но нашъ народъ, съ тѣхъ поръ какъ крестился, строго соблюдалъ посты и отъ этого не хирѣлъ. Это еще вопросъ, не полезно ли и въ гигиеническомъ отношеніи періодическое воздержаніе отъ мясной пищи. Какъ бы то ни было, начальникъ, радѣя о пользѣ своихъ подчиненныхъ, въ случаѣ дѣйствительной надобности, можетъ предоставить разрѣшенію духовной власти, а не брать на себя ея дѣла, не спрашивая даже тѣхъ кого разрѣшеніе касается. *Положеніе о ротномъ хозяйствѣ* устанавливаетъ общую мѣру самымъ широкимъ образомъ и безо всякихъ ограниченій.

Все зависитъ отъ усмотрѣнія начальника дивизіи, которымъ можетъ быть и инновѣрецъ, и вообще человѣкъ скептически относящійся къ церковнымъ уставамъ. Г. Газенкамифъ говоритъ, что во всѣ установленныя православною церковью посты, а такъ же по средамъ и пятницамъ, солдаты *должны* поститься. И мы думаемъ что должны, но на дѣлѣ выходитъ что не постятся. Въ старину было хоть ограниченіе: мясная порція разчитывалась на 168 дней въ году, а съ 1871 года приварочный окладъ разчитанъ уже прямо на круглый годъ по стоимости полфунта мяса. Но въ нѣкоторыхъ полкахъ только, какъ говоритъ г. Газенкамифъ, а въ большей ихъ части посты соблюдаются изъ ятаго въ десятое. Таковъ результатъ небольшой оговорки, которая сама по себѣ есть не что иное какъ нарушеніе устава церкви.

Мы замѣтили что „въ большей части полковъ въ одну недѣлю исполняютъ свой христіанскій долгъ двѣ очереди“ и съ удивленіемъ прибавили: „точно времени больше нѣтъ!“

Намъ возражаютъ опять ссылкой на *Уставъ о службѣ внутренней*. Дѣйствительно, § 333 этого Устава говоритъ, что „для исполненія сего христіанскаго долга должно быть назначаемо не менѣе трехъ дней“. Профессоръ Газенкамифъ поясняетъ, что постановлено это не потому что людямъ времени нѣтъ, а потому что „если назначить не менѣе недѣли, то полковой священникъ можетъ и не управиться въ теченіе Великаго Поста“. Поясненіе это можетъ быть оправдано развѣ только желаніемъ кого-то оправдывать. Впервыхъ, мы не говорили, а тѣмъ болѣе не жаловались, что у людей времени нѣтъ для говѣнья, а совершенно напротивъ, удивлялись что при достаточномъ времени назначаются въ одну недѣлю двѣ очереди. Вторыхъ, въ полку нѣхоты при 1500 прихожанахъ на каждую недѣлю пришлось бы по 250 человѣкъ, если оставить седьмую недѣлю свободною; иначе, изъ 16 строевыхъ и одной нестроевой роты, каждую изъ шести недѣль говѣли бы только три. Известно, что теперь священнику нѣрѣдко приходится исповѣдывать въ одинъ день цѣлый баталіонъ, то-есть четыре роты, и справляться съ полкомъ всего въ двѣ недѣли. Не могла бы затруднить священника исповѣдь 250 человѣкъ, а стало-быть непонятно, какимъ образомъ онъ могъ бы „не управиться“ въ теченіе Великаго Поста. Къ тому же распредѣленіе времени для говѣнья по закону отъ полковаго священника непосредственно не зависитъ, и онъ дѣлаетъ такъ какъ ему укажутъ. Самъ же священникъ закономъ всегда былъ обязанъ служить „въ теченіе всего Великаго Поста“.

Второй нашъ примѣръ относился къ молитвѣ прежде и послѣ обѣда. „Нашъ народъ, садясь за чашку и вставал, молится. Въ арміи, говорили мы, прежде дѣлалось то же: молитву, какъ и въ школахъ, нѣли прежде и послѣ обѣда. Теперь поется только предобѣденная. Поѣвъ, люди встаютъ и расходятся по-одиночкѣ; перекрестился—ладно, а нѣтъ—и не надо“. Вотъ что мы говорили. Профессоръ Газенкамифъ утверждаетъ, будто „обычай общей молитвы какъ предъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда соблюдается и теперь“. На основаніи точныхъ справокъ, смѣемъ увѣрить профессора, что онъ ошибается. Законъ, именно Уставъ о службѣ внутренней, говоритъ (§ 195):... „По приказанію дежурнаго по ротѣ они (люди) поютъ предобѣденную молитву, затѣмъ садятся“... Слѣдующій параграфъ гласитъ о порядкѣ раздачи нищи, а § 197 опредѣляетъ: „Отъ стола нижніе чины расходятся по-одиночкѣ, дежурный же по ротѣ остается во все продолженіе его для наблюденія за порядкомъ“. Итакъ, общей послѣобѣденной молитвы не установлено.

Г. Газенкамифъ оставляетъ безъ возраженія, что церкви въ полкахъ тѣсны и вмѣщаютъ ограниченное число молящихся; но онъ не соглашается, что у насъ сокращается число церковныхъ палатокъ, выставляемыхъ въ лагеряхъ. Онъ говоритъ, что въ лагеряхъ всегда было и нынѣ полагается по одной церковной палаткѣ на дивизію. Въроятно г. Газенкамифъ думаетъ, что такъ и хорошо, что такъ и должно быть чтобы, имѣя четыре походныя церкви и четырехъ священниковъ въ дивизіи, ставить въ лагерь на шесть тысячъ человѣкъ всего одну церковную палатку. Замѣтимъ, что въ этой палаткѣ, въ торжественные дни, не помѣстятся даже офицеры дивизіи, а о нижнихъ чинахъ и говорить нечего. Въ лагеряхъ, между тѣмъ, войска стоятъ около трехъ мѣсяцевъ слишкомъ. Если бы вопросъ о постановкѣ церковныхъ палатокъ разрѣшался не въ командно-хозяйственномъ порядкѣ, а находился бы въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, было бы конечно иное, точно такъ же какъ иною была бы и табель „церковнымъ вещамъ“, то-есть церкви возимой въ походѣ полкомъ. Г. Газенкамифъ сообщаетъ, что табель эта составлена гвардейскимъ полковымъ священникомъ и относительно ея были сирожены многіе полковые священники, изъ коихъ однако никто не сдѣлалъ возраженій или поправокъ, никто не указывалъ на необходимость возить съ собою икону Пресвятой Богородицы. Но священники не указали даже и того, что въ табели не значится ни дискоса, ни звѣздцы, ни антиминса, безъ котораго литургія совершаться не можетъ. А все потому, что армія держалась пресвитеріанскаго порядка... Однако, еслибы и священнику былъ вѣдомъ фактъ, что въ полковомъ обозѣ предполагается возить около полтора пудовъ музыкантскихъ нотъ, то онъ въроятно не былъ бы такъ прижимистъ относительно церковныхъ книгъ. Предѣльный вѣсъ всѣхъ церковныхъ вещей полагается три пуда, считая тутъ и вѣсъ сундука. Обозъ русской арміи не былъ бы, намъ кажется, затрудненъ въ военномъ отношеніи, еслибы подъ полковую церковь была назначена особая двуколка, то-есть четыре лишнія лошади на всю дивизію, между тѣмъ какъ конскій запасъ дивизіи состоитъ изъ ста лошадей, идущихъ порожнякомъ.

Теперь о ротныхъ образахъ. Изъ того что о ротныхъ образахъ прежде не упоминалось, еще ничего не слѣдуетъ. Еще менѣе слѣдуетъ что-либо изъ того обстоятельства, засвидѣтельствованнаго г. Газенкамифомъ, что сотни лицъ, участвовавшихъ въ разработкѣ и разсмотрѣніи обознаго положенія не возбуждали вопроса о ротныхъ образахъ. Такія же сотни разематривали въ свое время и положеніе о ротномъ хозяйствѣ, предоставляющее начальнику дивизіи разрѣшать нарушеніе уставовъ церкви. Объ этомъ можно и даже должно пожалѣть, но фактъ остается фактомъ. „Сложное положеніе, говоритъ г. Газенкамифъ, впервые ввело хоть тѣ маленькіе образа, за которые передовая статья негодуетъ на военное вѣдомство“. Повторяемъ, что негодовать мы и не думали. Вотъ что мы говорили: „По положенію о военномъ обозѣ, рота возитъ за собою въ двухъ пароконныхъ новозкахъ 51 пудъ 19¼ фунтовъ вещей разнаго рода, и при этомъ-то найдено невозможнымъ имѣть ротный образъ въ походѣ болѣе четверти фунта вѣсомъ и болѣе четвертушки бумаги по размѣрамъ. Между тѣмъ, ротные образа заводились и украшались у насъ столѣтіями и образной праздною искони чествуется особымъ во всей арміи одинаковымъ обрядомъ. И этому-то ротному образу, центру и святынь роты, такъ-таки и не нашлось мѣсту,

хотя въ тѣхъ же повозкахъ наложено 2 пуда 20 фунтовъ матеріаловъ и инструментовъ для починки сапогъ“. Фактъ, на который мы обратили вниманіе вѣренъ; очень рады что коммиссія, составлявшая положеніе о военномъ обозѣ, заботилась имѣть въ немъ „хоть маленькіе образа“, но дѣло не въ этомъ. Что никакой пужды ограничивать вѣсь и размѣры ротнаго образа возимато въ обозѣ не было, это видно наконецъ изъ того, что въ томъ же ротномъ обозѣ, по *Положенію*, помѣщалось офицерскихъ туфель 3 фун. 36 золотниковъ. Мы только удивлялись, что подобная аномалія не бросилась никому въ глаза. Ротный образъ есть центръ и святыня роты; самъ же г. Газенкамифъ подтверждаетъ это, свидѣтельствуя, что „большая часть ротныхъ образовъ, въ громаднхъ и тяжелыхъ кіотахъ, совсѣмъ не укладываются въ военный обозъ“. Эти кіоты, такъ же какъ и ризы на образахъ, сооружены усердіемъ многихъ поколѣній. Какъ же не взять съ собою въ походъ, какъ разстаться, можетъ-быть надолго, съ этою семейною святыней роты? Не нужно только, какъ это дѣлаетъ г. Газенкамифъ, смѣшивать образа съ кіотой. Кіоту можно было бы и не брать. Это не одно и то же. Ротный праздникъ дѣло домашнее, но онъ по счастью какъ былъ такъ и есть „праздникъ“ и, повторяемъ, чувствуется вездѣ одинаковымъ обрядомъ. Мы не говорили о „торжественномъ“ чествованіи, а потому и не смѣшиваемъ семейнаго праздника роты съ полковымъ. Не мало въ нашей военной литературѣ толкуется о необходимости развитія въ войскахъ чувства товарищества, взаимной выручки въ бою; но ставится все это на какую-то эгоистическую, чисто языческую почву; становится даже при этомъ въ примѣръ и римскій *manipulus* какъ образецъ товарищества... Не ближе ли намъ ставить все на христіанскую почву любви къ ближнему и самоотверженія. Еслибъ это дѣлалось такъ, то и взглядъ на ротный образъ былъ бы у насъ иной. Никому бы и въ голову не пришло, что его можно замѣнить маленькою копіей, которая со временемъ пожалуй вытѣснитъ большой образъ. Еще разъ повторяемъ, „пусть русская армія не будетъ считать себя чуждымъ Русской церкви институтомъ и, смѣемъ думать, ей легче будетъ дисциплинировать солдата чѣмъ нашимъ сосѣдямъ“.

Въ заключеніе отвѣтимъ на личное недоумѣніе профессора Газенкамифа. Онъ говоритъ: желательно бы знать гдѣ это строятся въ Германіи новыя гарнизонныя церкви. А у насъ, не считая церквей при каждомъ полку, есть 40 штатныхъ, отдѣльныхъ церквей военнаго вѣдомства, въ томъ числѣ семь соборовъ. Въ одномъ Петербургѣ два собора и шесть большихъ военныхъ церквей“. Въ Германіи есть очень не мало гарнизонныхъ церквей, есть даже особыя военныя кладбища, но пересчитать ихъ, какъ можетъ профессоръ администраціи убѣдиться даже изъ сказаннаго въ сочиненіи прусскаго спеціалиста де-Курбіера (*Grundzüge der deutschen Militärverwaltung*, Berlin 1882, стр. 339—40), очень не легко; что же касается постройки новыхъ гарнизонныхъ церквей, то указаніе на это г. профессоръ могъ бы найти, не говоря уже о германскомъ военномъ бюджетѣ и его проектахъ, хотя бы въ „Военномъ Сборникѣ“ за текущій годъ, именно въ № 3, гдѣ на страницѣ 70, строки 6, 7 и 8 снизу напечатано: „разрѣшенная рейхстагомъ постройка одной военной церкви возбудила повидимому же-

ланіе воздвигнуть цѣлый рядъ военныхъ церквей“. Это было сказано Рихтеромъ въ рейхстагѣ. Что касается нашихъ военныхъ церквей и соборовъ, дѣло не въ числѣ ихъ, а въ размѣщеніи. Что ихъ много въ Петербургѣ гдѣ церквей такъ не много, это не удивительно. Такова его исторія, но и Москва городъ не маленькій, а въ ней нѣтъ ни одной большой военной церкви. Наши военныя церкви строились въ старые годы. Германія ихъ строитъ теперь. Германское правительство придаетъ этому дѣлу громадную важность, видя въ немъ залогъ правильнаго воспитанія народа и войска. Мы многое въ военномъ отношеніи заимствовали изъ Германіи; но вотъ на это не обратили вниманія.

Приводимъ въ заключеніе отзывъ харьковской газеты *Южный Край* на нашу статью, вызвавшую замѣчанія профессора Газенкамифа:

Да, какъ ни грустно въ этомъ сознаться, а русская армія подрываетъ религіозное чувство, которымъ живетъ и дышетъ Русскій народъ. Кому не приходилось слышать отъ молодыхъ солдатъ разсказы о томъ, какъ непріятно ихъ поражало въ первое время службы открытое и, тѣмъ не менѣе, одобряемое начальствомъ нарушеніе церковныхъ уставовъ? Дикимъ и грѣховнымъ кажется сначала деревенскому парню ѣсть скоромное въ постные дни, говѣть „для проформы“, нарушать ежечасно и ежеминутно всѣ тѣ обычаи, которые онъ привыкъ считать священными; но „одинъ въ полѣ не воинъ“: онъ видитъ что „всѣ такъ дѣлаютъ“, и мало-по-малу свыкается со своею новою средой, усваиваетъ себѣ легкое отношеніе къ уставамъ Церкви и, возвращаясь домой, является въ своей семьѣ и деревнѣ проводникомъ искусственно и даже насильственно привитаго къ нему протестантскаго направленія... А вѣдь теперь, благодаря всеобщей воинской повинности, черезъ армію проходитъ чуть не вся крестьянская молодежь. Что же будетъ съ народомъ чрезъ 20—30 лѣтъ, когда „образовательное вліяніе“ военной службы скажется въ крупныхъ размѣрахъ?... Страшно и подумать объ этомъ!.. Не упускайте изъ виду, что народъ привыкъ разсуждать послѣдовательно и прямолинейно. Онъ не умѣетъ лавировать въ дебряхъ дидактической софистики и фарисейскихъ хитросплетеній. Если онъ свыкнется съ мыслью, что можно и должно нарушать тѣ или другіе уставы церкви, его исконная набожность и изъ рода въ родъ переходившая преданность вѣрѣ дѣдовъ и отцовъ сильно пошатнется и съ теченіемъ времени, если потокъ зла не встрѣтитъ преграды, окончательно рухнетъ... Уже и теперь не въ рѣдкость встрѣтитъ среди бывшихъ солдатъ чуть не свободно мыслящихъ мудрецовъ во вкусѣ нашихъ „прогрессистовъ“ а la *Новости*?

Таково ли должно быть вліяніе службы въ рядахъ „христіанскаго воинства“?

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.